

ЧАЙ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА*

Ксения Викторовна Осипова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации;
старший научный сотрудник
Топонимической лаборатории
кафедры русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина;
научный сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: проспект Ленина, 51, к. 306,
Екатеринбург, 620000, Россия;
Ленинский проспект, 32-А, Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: osipova.ks.v@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2285-6112

Аннотация

В статье рассматриваются диалектная лексика, этнографические сведения, фольклор и обрядовые практики, связанные с чаем и чаепитием. Исследуемый ареал охватывает территорию Архангельской, Вологодской областей и северо-востока Костромской области. Основным источником материала послужили лексические картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета, а также диалектные словари и работы этнографов XIX в. Проведенный этнолингвистический анализ включает семантико-мотивационную характеристику лексики, а также выявление символических функций чая в традиционной культуре. На примере лексики чаепития прослеживается, как «чужой» продукт и традиция его употребления становятся частью народной культуры и берут на себя символические функции, ранее характерные для других продуктов и напитков. В статье определяется место чая в рационе крестьян, специфика организации чаепития, а также выявляются основные идеограммы, оценивающие качество чая (слабозаваренный, крепкий чай, холодный чай, чай без сахара или десерта и пр.). Устанавливается, что в XIX веке на большей части Русского Севера чай был не повседневным, но праздничным напитком. Дорогой и непитательный чай противопоставляется простым и сытным блюдам: будучи знаком роскоши, чай в то же время начинает ассоциироваться с неумеренностью и расточительством, воспринимается как пагубная привычка, пустое удовольствие. Чаепитие на Русском Севере становится обязательным элементом приема гостей и важным звеном в организации социальных отношений, а ритуалы общения за чаем вписываются в народную этическую систему. Чай получает некоторые ритуальные функции, присущие вину и пиву (чаем встречают, чествуют гостей, скрепляют договоренности), а также образует пару «чай — сахар», функционально близкую хлебу и соли.

* Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

Ключевые слова

Чай, напитки, русский язык, диалектная лексика, этнолингвистика, Русский Север
Статья поступила в редакцию 8 ноября 2021 г.

Цитирование: *Осипова К. В.* Чай в культурно-языковой традиции Русского Севера // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 104–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.07>

TEA IN THE CULTURAL AND LINGUISTIC TRADITION OF THE RUSSIAN NORTH

Ksenia V. Osipova

Ph. D., Associate Professor;
Senior Researcher, Ural Federal University;
Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Lenin Avenue, 51, office 306,
Yekaterinburg, 620000 Russia;
Leninsky Prospect, 32-A, Moscow, 119334 Russia
E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2285-6112

Abstract

The article deals with dialectal vocabulary, ethnographic information, folklore, and ritual practices associated with tea and tea drinking. The studied area covers the territory of the Arkhangelsk and Vologda regions and the north-east of the Kostroma region. The main source of material was the lexicological card-index of the Ural Federal University Toponymic Expedition, as well as dialect dictionaries and works of ethnographers from the 19th century. The ethnolinguistic analysis includes the semantic and motivational characteristics of the vocabulary, as well as the identification of the symbolic functions of tea in traditional culture. Using the lexicon of tea drinking as an example, one can trace how a foreign product and the tradition of its use is mastered by folk culture and takes on symbolic functions that were previously characteristic of other products and drinks. The article determines the place of tea in the diet of peasants, the specifics of organizing tea drinking, and identifies the main ideograms that assess the quality of tea (weakly brewed, strong, cooled, without sugar or sweetener, etc.). It is established that in the nineteenth century, in most of the Russian North, tea was not an everyday drink, but a festive one. Expensive and non-nutritious tea was contrasted with simple and hearty dishes: being a sign of luxury, tea at the same time began to be associated with excess and waste, and perceived as an addiction; an empty pleasure. Nevertheless, tea drinking in the Russian North became an obligatory element of receiving guests and an important link in the organization of social relations, and the rituals of communication over tea fit into the traditional ethical system. Tea shares some of the ritual functions inherent with wine and beer (meet with tea, honor guests, seal agreements), and it also forms the pair “tea-sugar”, which is functionally close to “bread-salt”.

Keywords

Tea, drinks, Russian language, dialect vocabulary, ethnolinguistics, Russian North

Received 8 November 2021

How to cite: Osipova, K. V., 2021. Chai v kul'turno-iazykovoi traditsii Russkogo Severa [Tea in the Cultural and Linguistic Tradition of the Russian North]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 104–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.07>

Представление о системе питания составляет важную часть культурного стереотипа как отдельной социальной или территориальной группы, так и целой нации. Если рассматривать напиток как дифференциальный признак народной кухни, то условно славянские культуры можно разделить, например, на «кофейные» и «чайные», «пивные» и «винные»: считается, что русские пьют преимущественно чай, квас и водку, чехи — пиво, украинцы — горилку, сербы и болгары — кофе, вино и ракию и пр. Пристрастие славян к тому или иному напитку в большинстве случаев было не исконным, а «благоприобретенным»: южные славяне начинают пить кофе под влиянием турецкой культуры, русские знакомятся с чаем благодаря торгово-экономическим связям с Китаем. По всей видимости, способность напитка дифференцировать различные народные культуры связана с его особыми ритуальными функциями, в том числе при социальных контактах: напитком встречают или провожают гостя и путника, угощают и благодарят, чествуют «виновника торжества» и пр.

На примере употребления чая и связанной с ним русской диалектной лексикой интересно проследить, как «чужой» продукт и традиция его употребления осваивается народной культурой и берет на себя символические функции, ранее характерные для других продуктов и напитков. Обращаясь к говорам Русского Севера — а это, прежде всего, Архангельская, Вологодская области и северо-восток Костромской, — мы видим, что на этой территории с чаем связана обширная группа лексики, текстов фольклора, элементов обрядов, верований, запретов, предписаний, этикетных формул и пр. Соответствующие сведения широко представлены в материалах Топонимической экспедиции Уральского университета, а кроме того, в диалектных словарях и этнографических источниках. Широта этих данных позволяет охарактеризовать народное отношение к чаю: представить локальные особенности его употребления, определить этикетные и социальные функции и пр.

Историко-этимологические источники говорят о том, что слово *чай* пришло в русский язык из северно-китайского *chā* (возможно, через тюркские языки) в середине XVII в.¹ Вероятно, что и культурная история чаепития начинается примерно в это время². По наблюдениям П. Я. Черных, на первых порах слово *чай* употреблялось как название лекарственного растения³.

¹ Багриновский Г. Ю. Большой этимологический словарь русского языка. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. С. 1029; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: б. и., 2002. Т. 2. С. 373.

² Об истории чая в России см.: Похлебкин В. В. Чай. Его типы, свойства, употребление. М.: Эксмо-Пресс, 2019; Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. М.: Спутник+, 2012; Он же. Чай и чайная торговля в Российской Империи в XIX — начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь... Т. 2. С. 373.

До сих пор в говорах *чаем* называют растения, заваренные листья которых придают напитку желто-коричневый оттенок, например, волог. *чай полевой* ‘растение *Hypericum maculatum*, зверобой пятнистый’ (В-Уст)⁴, арх., волог. *чайная трава*, арх. *чайница* (Уст) ‘то же’: «Когда чаю не было, зверобой все пили и чайной травой называли» (Лен; Уст, Тот), волог. *чай-пай* ‘иванчай’⁵. Имеющиеся в нашем распоряжении наблюдения этнографов показывают, что в середине XIX в. на Русском Севере чай знали практически повсеместно, однако если в городах его употребляли ежедневно, то в деревне пили лишь по праздникам⁶. В XX в. питье чая стало частью повседневной крестьянской жизни — это подтверждает связанная с *чаем* группа предметно-бытовой лексики, ср. арх. *вода чайная* ‘питьевая вода’ (Мез)⁷, волог. *чайная прорубь* ‘прорубь, из которой брали питьевую воду’ (У-Куб, Сок), арх. *чайная* ‘средняя комната в доме, где пили чай’ (Он), волог. *чайное полотенце* ‘полотенце для посуды’ (Бел, Вологод), волог. *чайное дерево* ‘комнатное декоративное растение’ (Гряз)⁸.

До появления чая основными напитками (без учета алкогольных) на Русском Севере были квас, различные ягодные настои (арх., волог. *чеж*, *цеж* ‘напиток из ягод (морозка, брусника, малина и пр.)’ (Уст; Кад, Сямж)⁹), заваренные травяные сборы (волог. *заваруха* ‘чай из листьев смородины’ (Сок)¹⁰, *дэвьёй мёд* ‘растение с круглым гладким стеблем и сладковатыми на вкус стручками, которые пригодны для заваривания напитка наподобие чая’: «Дивьёй мёд пили, любили дивьёго меду»¹¹), березовый сок (арх., волог. *берёзовица* ‘березовый сок; квас из березового сока’: «Собирают берёзовый сок, сливают в лагуны и ставят в погреба на холод. Хлеба бросят ржаного, дрожжей не ложат, это берёзовица» (Лен; В-Т, Котл, Межд,

⁴ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2007. Вып. 12. С. 14.

⁵ Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург). Далее — КСГРС.

⁶ Дурасов Г. П. Народная пища Каргополья (по материалам XIX–XX вв.) // Советская этнография. 1986. № 6. С. 89; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. С. 667, 768; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. С. 204.

⁷ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовоой. М.: Изд-во МГУ, 1985. Вып. 4. С. 152.

⁸ КСГРС.

⁹ Там же.

¹⁰ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 4. С. 25.

¹¹ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, 1985. Вып. 2. С. 15.

Сольвычегодский у.)¹², волог. *берёзовые слёзы* (Вологод)¹³, волог. *суровец* (Баб)¹⁴, заварные мучные или хлебные настои (арх., волог. *кисель*, волог. *ботон*: «Раньше серпами жали, ложили в туесок муку ржаную и заливали холодной водой, это и пили и называли ботоном; ботон — набатывали муку дак» (В-Важ)¹⁵; в Каргополе пили кипяток, подкрашенный пережженным и распаренным ржаным хлебом¹⁶), напитки из чаги (волог. *натёка* ‘чага’: «Натёку-то вместо чаю пили. Да как и лекарство» (Хар)¹⁷, арх. *федоровцевский кофей*: «Береза лопнет — сок натекает, наростат, он вкусный — федоровцевский кофей» (Холм)¹⁸), а также молоко и его жидкие производные (простокваша, сыворотка, разбавленное топленое молоко и пр.).

Если говорить о настоящем кофе, то с ним крестьяне были знакомы гораздо меньше, чем с чаем. Традиции употребления кофе известны только на Мезени, и то «о кофе в деревнях более говорят с оттенком отвращения, относя потребление его к необузданной роскоши комфортабельных людей»¹⁹. На других северных территориях встречаются единичные свидетельства того, что крестьяне употребляли «худой кофе» (Никольский у.)²⁰.

Главное, что отличает чай от прочих безалкогольных напитков, не собственно его вкусовые качества или питательные свойства, но особая ритуальность, которой окружается питье чая как в элитарной, так и в народной культуре. Пожалуй, ни один другой напиток не становится в той же мере, как и чай, элементом народной этики, не обладает сходным набором социальных функций и параметров для оценки. «Церемониальность» чая осознавалась и самими крестьянами — об этом говорит, например, один из народных анекдотов: «Вот как-то раз посадили мужичка пить чай у моего отца священника. Мужичок сел вдали от других, выпил чашки три и подходит к самовару с чашкой, просит разливательницу чая еще налить чашечку, говоря: “Ну, я пил все еще без церемонии, теперь выпью с церемонией”, и взявши небольшой кусок сахара» (Сольвычегодский у.)²¹.

¹² Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2001. Т. 1. С. 103; КСГРС; Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, 1983. Вып. 1. С. 29; Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 616.

¹³ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2005. Вып. 10. С. 48.

¹⁴ КСГРС.

¹⁵ Словарь говоров Русского Севера... Т. 1. С. 172.

¹⁶ Дурасов Г. П. Народная пища Каргополья... С. 89.

¹⁷ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, 1990. Вып. 5. С. 78.

¹⁸ КСГРС.

¹⁹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта. С. 139.

²⁰ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 113.

²¹ Там же. С. 499.

Поскольку чай необходимо было покупать и стоил он достаточно дорого, его пили преимущественно жители экономически благополучных районов, а также городов и сел, расположенных на торговых путях (например, в Каргополе и Мезени). По свидетельствам Т. А. Бернштам, «чай и кофе со второй половины XIX в. довольно широко употреблялись жителями тех берегов, откуда поморы ходили торговать в Норвегию, или в местностях, расположенных по соседству с торговыми центрами — Архангельском, Мезенью»²². Сведения об употреблении чая в Вологодской губернии разнятся даже в границах одного уезда. Например, корреспонденты архива кн. В. Н. Тенишева сообщают: «Чай между нашими крестьянами еще не вошел в употребление. В очень редком доме пьют его каждый день, а обыкновенно более через день, а некоторые пьют только в воскресенья и праздничные дни»²³. Чуть далее читаем: «Чай и квас вошли во всеобщее и обычное употребление»²⁴. Это позволяет сделать вывод, что употребление чая действительно очень зависело от крестьянского достатка. Чай был признаком высокого материального статуса, зажиточности (Никольский у., Сольвычегодский у.)²⁵, воспринимался как роскошь (Никольский у.)²⁶ и самое почетное угощение²⁷.

В результате возникает интересная коллизия: будучи знаком роскоши, чай в то же время начинает ассоциироваться с неумеренностью и расточительством и воспринимается как пагубная привычка, пустое удовольствие, на которое уходят последние крестьянские деньги, ср. «Напиться чаю два раза в день считается делом каждого крестьянина, хотя он и по миру ходит. Чай он ставит выше даже хлеба» (Грязовецкий у.)²⁸. Употребление чая даже называлось в качестве одной из причин крестьянской бедности: «Прежде, говорят, чаю-то и не знали, а теперь вся гольтепа-нищие заводит самовар и редкий день не попьет чаю» (Вологодский у.)²⁹. Обманом нередко сопровождалась и покупка чая: по свидетельствам из Никольского уезда, «татары зимой привозят подкрашенных выварков и продают крестьянам под видом “подмоченного чая”»³⁰. Все это поддерживало, с одной стороны, связанные

²² Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: этнографические очерки. Л.: Наука: Ленинград. отд-ние, 1983. С. 71.

²³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 667.

²⁴ Там же. С. 768.

²⁵ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 113, 499.

²⁶ Там же. С. 204.

²⁷ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 16; Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 139.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. С. 310.

³⁰ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 113.

с чаем мотивы богатства, прибыли, с другой — ее отсутствия: так, на Пинеге верили, если в стакане с чаем плавает пенка, это сулит прибыль³¹ (здесь, конечно, важна и семантическая корреляция «пенка» — «прибыль, “навар”»); на Онеге пеной-пузырьками из чая смачивали голову, чтобы жить богато³²; в Сольвычегодском у., когда пьют чай, не полощут чашек, иначе деньги будут уходить в чужие руки³³ (вероятно, работает семантическая ассоциация: *чай — богатство и вода — бедность*).

Представление о чае как о пищевом излишестве определило его место в народной классификации блюд. В некоторых локальных традициях в посты и постные дни крестьяне отказывались и от чая, поскольку «пить чай есть большой грех» (Кадниковский у.)³⁴. Негативная оценка чая была связана не только с его дороговизной, но и с непитательностью. Считалось, что, потратив деньги на чай, крестьяне лишали себя сытной пищи: «Вся сытость питания, продукты и средства уходят на чай и водку» (Кадниковский у.)³⁵. За любовь к чаю — пустому и непитательному напитку — жителей Русского Севера называли *водохлебы*: «Тимошенцы — водохлебы, они чаю много пили»; «Нам уж обязательно надо чай — мы ведь водохлебы» (В-Т; Мез, Уст)³⁶.

Дорогой и «пустой» чай противопоставлялся простым и сытным блюдам: например, «косари по опыту знают, что один чай только жажду утоляет, и он не прочен, скоро есть захочешь, поэтому они пьют чай с хлебом»³⁷. Представление о чае как о пустом блюде отражено во многих присловьях, ср. *Чаем сыт не будешь* (Никольский у.)³⁸, арх. *Чай пить — только кутьку* (пенis) *гноить* (Лен)³⁹, арх. *чай горячий пил, а брюхо холодное* ‘о бесполезном действии’: «Вон, внучек мой год в городе прожил, чай горячий пил, а брюхо холодное» (Вин)⁴⁰. Распространены также оппозиции *чай — хлеб*: *Чай да чай — из сусека хлеб остальной качай* (видимо, речь о дороговизне) (Гряз)⁴¹ и *чай — сахар*: арх. *чай пить, а на сахар смотреть* ‘о тяжелой, бедной жизни’ (Котл)⁴².

³¹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 177.

³² КСГРС.

³³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 486.

³⁴ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 658, 242.

³⁵ Там же. С. 768.

³⁶ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во МГУ, 1987. Вып. 5. С. 9.

³⁷ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. С. 92.

³⁸ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 24.

³⁹ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. Т. 6. С. 320.

⁴⁰ КСГРС.

⁴¹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 85.

⁴² КСГРС.

Организация чаепития. Несмотря на случаи настороженного отношения к чаю, чаепитие на Русском Севере становится важным звеном в организации социальных отношений, а ритуалы общения за чаем вписываются в народную этическую систему. Об этом свидетельствует словообразовательная активность слова *чай* в севернорусских говорах и подробная семантическая детализация лексики, связанной с чаем и чаепитием. Чаепитие в народной культуре выделяется как отдельная церемония, не совмещенная с трапезой, которая соединяет питье чая и беседу, отдых после работы, ср. волог. *почайничать* (Кир), *почаевать* ‘попить чаю’: «Съездят, почаюют да и поехали расписываться» (Тот)⁴³, костром. *чайничать* (Вохом)⁴⁴, арх., волог. *чаевать* ‘пить чай, чаевничать’ (В-Т; Бабуш, В-Важ)⁴⁵, арх. шир. распр. *гонять чай (чаю, чай)* ‘сидеть за чаепитием’: «Сено скошоно — только чай и гонять» (Карг)⁴⁶. Практически везде чай пили после тяжелой работы (волог.)⁴⁷.

Особенно спаянно семантика чаепития и пустых разговоров представлена в значении глагола *бочерничать* ‘пить чай, разговаривать’, известного костромским и вологодским говорам: «Давай бочерничать! Вот сидят люди, угощаются, чай пьют, вкусное чего едят, разговор ведут» (Вохом); «Мы вот с тобой сидим бочерничаем, пьем чай и едим. Бочерничество у нас» (Окт). Мотивационно глагол может быть связан с костром. *бочерничать* ‘делать бочки’⁴⁸, или, что более вероятно, он мог появиться в результате семантического сдвига: *бочерничать* ‘разливать вино из бочки на свадьбе’ > ‘быть распорядителем на свадьбе’ (в этом значении глагол встречается в пермских говорах⁴⁹) > ‘много и долго пить’ > ‘пить, беседовать’⁵⁰. Существенной для диалекта оказывается идеограмма ‘любитель(ница) пить чай (в гостях)’, поскольку визит такого гостя грозил хозяину дополнительными тратами, ср. арх. *чаёвник* ‘любитель чая’⁵¹, *чаевые гости* ‘любящие пить чай’: «Эки чаевые гости, только чай и жуют, ничего не едят» (В-Уст),

⁴³ КСГРС; Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1999. Вып. 8. С. 25.

⁴⁴ Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург). Далее — ЛКТЭ.

⁴⁵ КСГРС.

⁴⁶ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовской. М.: Изд-во МГУ, 1996. Вып. 9. С. 314.

⁴⁷ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 768; Т. 5. Ч. 3. С. 24.

⁴⁸ ЛКТЭ.

⁴⁹ Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. С. 140.

⁵⁰ Возможно, семантическая ассоциация «чай — пустая беседа», «чай — рот» определила значение арх. *чай* ‘рот’: «Чё ты свой чай-то раскрыл?» (Он) (КСГРС).

⁵¹ Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

волог. *чайница* ‘любительница пить чай’ (Хар, Шексн)⁵², арх. *чайная гостья* ‘о женщине, пьющей много чая в гостях’ (В-Т)⁵³.

Чаепитие обязательно было неспешным и продолжительным и даже предполагало перерыв на отдых, позволяющий выпить еще больше чая, ср. *проседочка* ‘перерыв, отдых во время чаепития’: «Мы, бывало, самовар скипятим, а он большой, полсамовара выпьем — всё, больше не можем! Марью позовем, и та, пока до капли всё не выпьет, не встанет. По пять проседочек делала и по пять чашек выпивала» (Кир; Вологод, Межд)⁵⁴. Действительно, крестьянская «норма» чая была крайне высока: «в обыкновенное время, сидя дома за самоваром, пьют чаю очень много: стаканов 8, 10 и 12. А на такой работе, как покос, когда солнце жжет и пот льется ручьями, норма чаю — стаканов 15»⁵⁵, ср. также архангельское присловье *Не слышать, чтобы мужик какой чаем подавился*⁵⁶. Мотив отдыха, сопряженного с чаепитием, трансформируется в мотив безделья: ср. костром. *бочерничать* ‘бездельничать’: «Нам никто денег не давал, некогда было бочерничать» (Вохом)⁵⁷, а также арх., волог. *чай пить — не дрова рубить* (Карг, Пин, Шенк; Гряз)⁵⁸.

С чаем связаны многие элементы застольного этикета. Если обедающих приветствовали формулой *хлеб да соль!*, то пьющих чай — словами *чай-сахар!* (Кир, Вож)⁵⁹, волог., костром. *чай да сахар!* (Гряз, Кир, Кадниковский у.)⁶⁰. На что хозяин отвечал *чаю пить!* (Вож, Хар)⁶¹, *Спасибо, с нами чаю кушать!*⁶². Приведенные примеры благопожеланий говорят о том, что чай, иногда в паре «чай-сахар», взял на себя ритуальные функции хлеба (хлеба и соли). Сходство в функциях чая и сахара с хлебом-солью подтверждают и другие примеры. Так, на свадьбе в Никольском уезде крестьяне победнее угощали сватов хлебом и солью, побогаче — чаем⁶³; в вологодской свадеб-

⁵² Словарь вологодских говоров... Вып. 12. С. 14.

⁵³ КСГРС.

⁵⁴ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1999. Вып. 8. С. 93.

⁵⁵ Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 92.

⁵⁶ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1878. Ч. 2: Народная словесность. С. 247.

⁵⁷ ЛКТЭ.

⁵⁸ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 2004. Вып. 12. С. 265; КСГРС.

⁵⁹ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2007. Вып. 12. С. 14.

⁶⁰ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2002. Вып. 9. С. 94; Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 422.

⁶¹ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2007. Вып. 12. С. 14.

⁶² Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 499.

⁶³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 389.

ной песне невеста обращалась к матери: «Ты упой да употчивай дорогого нашего гостюшка / Ты пивом пьяным да вином зеленым, / *Чаем-сахаром, хлебом-солею*» (Кадниковский у.)⁶⁴.

Ритуальное угощение чаем нередко строилось подобно угощению спиртными напитками. Так, в Грязовецком у. разливать чай другим гостям хозяин доверял самому почетному гостю, что считалось знаком его близости хозяину⁶⁵. При чаепитии каждая выпитая чашка могла носить особое название: первая — *со свиданием!*, вторая — *гостиная*, третья — *почетная*, четвертая — *навальная*, пятая — *прощальная*. Питье каждой чашки сопровождалось обменом ритуальными формулами: хозяин, подавая первую чашку, говорит: «Доброго здоровья дорогому гостю!», гость: «Со свиданием!», хозяин: «Кушай на доброе здоровье!», гость: «Ладно, не беспокойся, кушаем, кушаем!» (Кадниковский у.)⁶⁶. Ритуальные формулы-приглашения выпить следующую рюмку напоминают уговоры выпить вино, ср. «Выпей на вторую ногу — хромать не будешь» (У-Куб)⁶⁷. Правила этикета предполагали, что чашка с чаем, как и рюмка вина, выпивалась до конца, ср. волог. *пей-пей, да и жопку покажи* ‘призыв допить до дна и перевернуть чашку вверх дном’ (К-Г)⁶⁸. Однако нередко чай рассматривали как неравноценную замену вина, ср. арх. *чай без вина пей сама* (Он), волог. *Чай без водки хуже чахотки* (К-Г)⁶⁹.

Регламентации касались объема наполнения чашки и предписывали наливать чай до краев, иначе жених или невеста будут толстогубыми (видимо, чтобы губами тянуться к чаю) (Шар; Пин)⁷⁰. Неполная чашка чая говорила о скупости хозяина («Не долъешь, так скуп, перельешь, так глуп» (Он)⁷¹), полная же сулила богатство⁷². О наполненной до краев чашке говорили *чай с клиньём* (Кад) или *с калошами*⁷³. По мнению А. В. Тихомировой, выражение *с калошами* объясняется тем, что галоши надевались поверх другой обуви, а чай наливался «с верхом»⁷⁴. Через код одежды интерпретируется и выражение *чай с клиньём*, которое можно сопоставить с севернорус. *кли-*

⁶⁴ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 455.

⁶⁵ Там же. С. 26.

⁶⁶ Там же. С. 554.

⁶⁷ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Т. 2. С. 204.

⁶⁸ КСГРС.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 174; ЛКТЭ.

⁷¹ КСГРС.

⁷² Там же.

⁷³ Архангельский областной словарь... Вып. 9. С. 34; КСГРС.

⁷⁴ Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. С. 73.

ные 'части одежды клиновидной формы', среднерусское и севернорусское *клинник* 'сарафан с косыми клиньями'⁷⁵: одежда с клиньями была более широкой, с ярко выраженной округлой формой, сопоставимой с чаем, налитым «с верхом».

Основные идеограммы, оценивающие качество чая. Среди семантических идеограмм, определяющих качество чая, в севернорусских говорах встречаются «холодный чай», «слишком жидкий чай», «слишком крепкий чай», «чай без сахара / без закуски». В семантико-мотивационном отношении эти лексические группы близки наименованиям некачественной, неудачно приготовленной пищи — подгоревшей, подкисшей пищи, пустых похлебок, неподнявшегося хлеба, пирогов без начинки и пр. На первый взгляд, данные идеограммы кажутся маргинальными, но при близком рассмотрении оказываются разработанными семантическими областями. Поскольку эти явления оцениваются как аномальные, нарушающие кулинарные и вкусовые нормы, их диалектные наименования наделяются высоким уровнем экспрессии и яркой образностью.

Слабозаваренный чай. Употребление слабозаваренного чая было достаточно типичным для крестьян, которые в целях экономии пили жидкий, спитой чай: «Пьют мужики чай жидкий, иные пьют “выварки” из чаю (спитой и высушенный чай), пьют стаканов по десяти, а иногда и более “до девятого поту”» (Сольвычегодский у.)⁷⁶. Типология наименований некрепкого чая выявляет несколько мотивов номинации⁷⁷:

- ♦ цвет жидкого чая сопоставляется с мочой⁷⁸ (ср. волог. *моча дохлого поросенка* (Кад), арх. *моча Кузьмича* (В-Т)⁷⁹, волог. *кобылий ссец* (У-Куб)⁸⁰, волог. *как моча тигра* (Ник), арх. *как заячья ссечь* (Лен)⁸¹) или с водой, в которой мыли ноги (ср. волог. *поп (батюшка) ноги мыл* (Тот)⁸²);

- ♦ некрепкий чай по вкусу и цвету сравнивается с речной водой, ср. арх. *уфтюга* 'некрепкий чай, напоминающий воду в р. Уфтюга': «Уфтюгу какую-то пьем, желтенькая водичка» (К-Г)⁸³;

⁷⁵ Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина М.; Л.: Наука, 1977. Вып. 13. С. 298, 297.

⁷⁶ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 614.

⁷⁷ О названиях пустых супов и жидкого чая в русских говорах см. подробнее: *Березович Е. Л., Осипова К. В.* «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.

⁷⁸ Этот же мотив характерен для наименований некрепкого самогона, ср. волог. *комиссар (председатель) поссал* (У-Куб) (Словарь говоров Русского Севера... Т. 5. С. 290).

⁷⁹ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Т. 7. С. 347.

⁸⁰ Там же. С. 338.

⁸¹ КСГРС.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

♦ через чай виден какой-либо субъект или объект, арх. *свет виден*, волог. *сам себя видишь* (Кад), *родителей видно* (Кад)⁸⁴. Чаще всего эта модель получает географическое преломление: в качестве видимого объекта выступают удаленные города — *Вологда, Ленинград, Москва, Питер, Шенкурск*⁸⁵, ср. костром. *Москву видать* (Пав)⁸⁶, арх. *Москва видать* (Вин)⁸⁷, волог. *Москва видно* (Тот)⁸⁸, *Москва и Вологда видать (видно)* (В-Т)⁸⁹, волог., костром. *Москва и Ленинград (видко)* (Окт; К-Г)⁹⁰, костром. *Москву и Питер видно* (Окт)⁹¹, арх. *Шенкурск видать* (Вин)⁹²; реже — ближайшие населенные пункты, ср. арх. *Вонга видна* <Вонга — деревня на Пинеге, находящаяся недалеко от деревни Валдокурье, где записано данное выражение>⁹³;

♦ «эталоном» слабо заваренного чая становится некачественная пища или еда для животных, ср. костром. *баландá* (Вохом)⁹⁴, волог. *буртомá* (Ник), волог. *телячье пойло* ‘о слабозаваренном или остывшем чае’ (К-Г, Ник)⁹⁵. Некачественный чай сравнивается с зерновыми отходами, ср. костром. *пелёва* ‘о безвкусном кофе или чае’, *пелёвный чай* ‘чай в пакетиках’: «Ране-то был фамильный чай, а теперь пелёвный» (Окт) при костром. *пелёва* ‘шелуха, оставшаяся после обмолота зерна’⁹⁶;

♦ употребление жидкого чая соотносится со стереотипными представлениями о характере народа, ср. *еврэй* ‘слабо заваренный чай’: «Лейте наголо, больше, а то у вас еврей» (В-Т)⁹⁷ — вероятно, наименование *еврэй* возникло по ассоциации с омонимичными формами *жидок* (краткое прил. от *жидкий*) — *жидок* (уменьш. форма сущ. *жид*) и пр.

Крепкий чай. Несмотря на то что крестьяне привыкли употреблять жидкий чай, крепкий чай считался более вкусным, а хозяин, который не скупится на заварку, признавался щедрым и радушным, ср. контексты «Пейте, девки, чай жирной; поболе чайку положишь, так пожирнее будет,

⁸⁴ КСГРС.

⁸⁵ Аналогичный мотив можно встретить в наименованиях тонко отрезанных кусков хлеба.

⁸⁶ ЛКТЭ.

⁸⁷ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 338.

⁸⁸ КСГРС

⁸⁹ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 338.

⁹⁰ КСГРС; ЛКТЭ.

⁹¹ ЛКТЭ.

⁹² КСГРС.

⁹³ Архангельский областной словарь... Вып. 5. С. 79.

⁹⁴ ЛКТЭ.

⁹⁵ КСГРС.

⁹⁶ ЛКТЭ.

⁹⁷ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 2010. Вып. 13. С. 18.

а пожирнее, так повкуснее»; «Пей жирный чай-от, а то налила себе — Москва видно» (У-Куб)⁹⁸. Значение ‘крепкий, хорошо заваренный’ характерно для гнезд прилагательных с доминантной семантикой ‘густой, насыщенный, крепкий’, ср. литер. *крепкий* ‘хорошо заваренный чай’, арх. волог., костром. шир. распр. *жирной, жирный* ‘то же’: «Чай-от жирный, а пирог уж воложный» (Сок)⁹⁹, костром. *зустый* (Пав)¹⁰⁰, онеж. *пóрной чай* при *пóрной* ‘прочный, годный, доброкачественный’ (Холм)¹⁰¹.

Отмечается красно-черный цвет крепкого чая, ср. волог. *румяный* (Баб, К-Г, Ник), *красный* ‘крепкий (о чае, кофе, спиртном)’ (Ник), *краснинá* ‘крепость, насыщенность (о чае)’ (Ник), *красно́* ‘крепко (о заварке)’: «Не чайно, не красно, не заварно у тебя в чашке» (К-Г, Тот); *черно́* ‘крепость, насыщенность (о чае)’ (В-Уст); арх. *как смольница* (В-Т), волог. *как дёготь* ‘о крепко заваренном чае’¹⁰². Образ хорошо заваренного чая регулярно встречается в метафорических номинациях цвета воды в природных источниках: волог. *чай*: «Вода здесь застойная, темная, как чай», *чай заварен* ‘о темной, красной воде’, «Вода в нем холодная, красная, как чай заварён», *заваренный чай*: «Вода как заваренный чай, красная она, из болота течет», арх. *заварной чай*: «У Клавдии Васильевны за домом рада, вот и вода в колодце как заварной чай»¹⁰³.

Название чая *зимогóрский чай* ‘хороший чай’ (Кир)¹⁰⁴ связано с оттопимическим прозвищем *зимогóр* ‘житель села Зимогоры Новгородской области’, жители которого занимались отхожими промыслами, ср. вятское, пермское, ярославское *зимогóр* ‘сезонный рабочий на отхожих промыслах’¹⁰⁵ (об истории и семантике слова *зимогор* написано достаточно много, см., например, статьи Л. Ю. Зориной и Е. Е. Королевой¹⁰⁶). Происхождение выражения *зимогорский чай* может объясняться тем, что чай обязательно входил в состав трапезы наемных рабочих — это проговаривалось при

⁹⁸ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Т. 3. С. 372.

⁹⁹ Словарь говоров Русского Севера... Т. 3. С. 372; КСГРС; ЛКТЭ.

¹⁰⁰ ЛКТЭ.

¹⁰¹ *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. С. 133.

¹⁰² КСГРС.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Словарь вологодских говоров... Вып. 12. С. 14.

¹⁰⁵ Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Наука, 1976. Вып. 11. С. 280.

¹⁰⁶ *Зорина Л. Ю.* Зимогоры и зимогорки в традиционной и современной культуре Вологодского края // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2010. Ч. 5. С. 50-56; *Королева Е. Е.* К этимологии гнезда ЗИМОГОР в старообрядческих говорах Прибалтики // Этимологические исследования: сб. науч. тр. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. Вып. 8. С. 8-18.

наиме на работу: чай обыкновенно предоставлял хозяин, а хлеб мог быть у работников своим (если крестьяне в целях экономии пили чай редко или сильно разбавленный, то наемные рабочие требовали чай ежедневно и, без сомнения, крепкий). Иная версия высказывается Л. Ю. Зориной: поскольку *зимогорами* со временем стали называть бродяг и даже беглых каторжников, «в семантическом ряду *асоциальное поведение — тюрьма — каторжник* так назван *чифирь*», то есть напиток заключенных¹⁰⁷. Действительно, некоторые наименования крепкого чай могут быть заимствованы из уголовного жаргона, ср. *адвокат* ‘о крепко заваренном чае’¹⁰⁸.

Пустой чай. Нетривиальное наполнение получает идеограмма «пустой чай», то есть чай без сахара или закуски-угощения — кускового сахара, хлеба, печенья, конфет и пр., которые были атрибутом настоящего чаепития (ср. об этом архангельскую присказку *Пейте чай, мочите калачи, пенку волокчи* (Он)¹⁰⁹ и в более полном варианте скороговорки *Пей чай, моци колаци, пеноцьку из крыноцьки волоци*¹¹⁰). Крестьянский бюджет и нормы поведения предполагали крайне экономное отношение к сахару, поэтому нередко за чаепитием крестьянин только «отхватит зубами “кусочек с кобылий носочек” и запивает из своей чашки»¹¹¹. Особым искусством было умение выпить как можно больше чая вприкуску с самым небольшим кусочком сахара; заканчивать чаепитие так, чтобы не осталось сахара, считалось крайне невежливым: «остается у него иногда кусочек величиною с зерно, он и тот не издержит попусту, а положит обратно в сахарницу или бумажный кошелек»¹¹².

Для обозначений пустого чая используется группа каритивных прилагательных и наречий, ср. *простой* (костром. *простой чай* ‘чай без сахара; вода без заварки’ (Окт, Пав)¹¹³, волог. *впросто́* ‘без ничего (без сахара и пр.)’ (Ник)¹¹⁴), *пустой* (волог. *пустой чай* ‘чай, выпиваемый без пирога, конфеты, сахара и др.’ (Кир)¹¹⁵), *голый* (волог. *голая вода* ‘чай без сахара’, *наголо́* ‘без сахара и печенья (о чае)’¹¹⁶, арх. *(с) голью пить* ‘пить пустой чай (без конфет, печенья)’ (Он)¹¹⁷).

¹⁰⁷ Зорина Л. Ю. Зимогоры и зимогорки... С. 52.

¹⁰⁸ КСГРС.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Как говорят поморы. URL: https://vk.com/wall-236094_160482 (дата обращения: 07.11.2021).

¹¹¹ Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 92.

¹¹² Там же.

¹¹³ ЛКТЭ.

¹¹⁴ КСГРС.

¹¹⁵ Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1999. Вып. 8. С. 110.

¹¹⁶ КСГРС.

¹¹⁷ Там же.

При осмыслении семантики пустоты, недостатка ищется «заместитель» отсутствующего предмета, а отсутствие закуски скрашивается застольными шутками и ироничностью наименований. Если в норме чай пьют *вприкуску* (литер.) или *вприхлёбку* (волог.)¹¹⁸, то в отсутствие сахара чай пили *вприглядку* (Сольвычегодский у.)¹¹⁹, а кроме того, *с дуем, с языком*, ср. волог., костром. *чай с языком*: «Чай с языком-от не пьют у нас. Чай с языком — только своим языком приправляешь» (Сок)¹²⁰, арх. *с дуем*: «Чего с дуем чай пьешь? Возьми конфетку, печенье»; «В войну пили с дуем» (Он; Прим, Холм)¹²¹. В Онежском районе выражение *с дуем* стало употребляться и в расширительном значении — пустым, «без всего», не только применительно к пище: например, без улова, ср. арх. *прийти с дуем* ‘о неудачной рыбалке’: «Пришел с дуем — ничё нету, только подуй, да и всё» (Он)¹²².

Семантику пустоты могут передавать местоимения и местоименные наречия, ср. волог. *с таком* ‘без ничего (пить чай)’: «Чё с таком-то пьешь, бери чего-нибудь»¹²³ (этот же образ пустоты встречается в наименованиях пирогов без начинки). Интересно образование стяженной формы *с вотчем-то* на основе выражения *с вот чем-то*, используемой как наименования всякой закуски, ср. *пить с вотчем-то* ‘пить чай с закуской’: «Ты пей с вотчем-то, не пей без вотчего-то» (Он)¹²⁴.

Холодный чай. Наименования остывшего чая иронически обыгрывают образ «мертвого — холодного», который отражается и в семантике арх. *мертвый* ‘о холодной, остывшей пище’: «Что ты мертвый чай-то налил?» (Вин)¹²⁵, и во фразеологизмах *мертвеца целовать* ‘пить холодный чай’: «Бабушка наша всегда говорила: чай холодный пить, что мертвеца целовать» (арх.: Вин)¹²⁶, *как покойника целуешь* ‘об остывшем супе или чае’ (волог.)¹²⁷.

Чай в обрядах. Чай подавался на многих семейных застольях. На свадьбе чай входил в основное ритуальное угощение наряду с хлебом-солью и вином. После того как родители невесты и сваты договаривались о свадьбе, на стол выставляли чай и различные сладости, орехи, пряники и пр.¹²⁸

¹¹⁸ КСГРС.

¹¹⁹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 614.

¹²⁰ ЛКТЭ; Словарь вологодских говоров... Вып. 12. С. 129.

¹²¹ Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во МГУ, 2004. Вып. 12. С. 347; КСГРС.

¹²² КСГРС.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 287.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ КСГРС.

¹²⁸ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 129; Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 38.

За чаем начинался разговор о приданом (Грязовецкий у.)¹²⁹. По умению невесты разливать чай и угощать гостей — *чаиничать* (Никольский у.)¹³⁰ — на смотринах судили о ее социальных и хозяйственных навыках: «Сваха говорит невесте: “Марья Федоровна, сядь-ко за стол да поразливай нам чайку — умеешь ли разливать чай-то!” Марья встала из-за работы, села за стол и стала чай разливать. Наши свахоньки смеются, говорят: “Чай-от умеет разливать, да кто ноне не сумеет разлить!”» (Кадниковский у.)¹³¹. В случае, если сватам отказывали, их угощали чаем, но невеста не показывалась¹³².

Чаем невеста потчевала гостей на девичнике, а чай, сахар и другие сладкие лакомства в качестве гостинца привозил жених, которого приглашали словами: «...Привози-ко добрый молодец / Уж ты чаю и сахару, / Уж ты пивушка пьяного / И вина да зеленого» (Вологодский у.)¹³³. В день свадьбы жених угощал дружек чаем, кофе, водкой (Мез)¹³⁴. Жених и невеста пили чай после венчания и утром после свадьбы¹³⁵. В свадебном обряде чай взял на себя некоторые символические функции спиртных напитков: как и пивом и вином, чаем встречали, чествовали гостей, скрепляли договоренности: символический параллелизм «чай — вино» закрепился, например, в обрядовом термине чайник — виначерпий на свадьбе (Устюж)¹³⁶. Обычно совместное употребление чая и спиртных напитков в рамках одного обряда: чай и водку подавали роженице после родов; чаем и водкой угощали священника после крестин (Грязовецкий, Сольвычегодский у.)¹³⁷; чай, пиво и водку зажиточные крестьяне подавали «помочанам» — участникам обряда взаимной помощи (Никольский у.)¹³⁸.

В фольклоре неудачное, бедное чаепитие символизирует неудачу в любви, ср. «Чай пила, чашку разбила, / Сахарочик подмочила. / Сахарочек подлитой, — / Мой-от милой занятой» (то есть дружит с другой); «Самовар-от оловянной, Вся посуда деревянна. Цею, сахару на грош, Выбирай, ково ты хошь» (Никольский у.)¹³⁹.

* * *

¹²⁹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 107.

¹³⁰ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 398.

¹³¹ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 464, 557.

¹³² Русские крестьяне... Т. 7. Ч. 2. С. 330.

¹³³ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 1. С. 152, 412, 577.

¹³⁴ Ефименко П. С. Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 130.

¹³⁵ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 1. С. 410, 366; Т. 5. Ч. 2. С. 118, 649; Т. 5. Ч. 3. С. 418.

¹³⁶ КСГРС.

¹³⁷ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 2. С. 361; Т. 5. Ч. 3. С. 505.

¹³⁸ Русские крестьяне... Т. 5. Ч. 3. С. 381.

¹³⁹ Там же. С. 277, 218.

На большей части Русского Севера в XIX в. чай был не повседневным, но праздничным напитком, угощение чаем входило в этикетный минимум приема гостей. По сравнению с другими напитками, чай выделяла особая церемониальность употребления, которая отмечалась и крестьянами. Чай приобрел функции социальной регуляции: служил знаком согласия, договоренности, за чаепитием проверялись социальные навыки и отношения. Чай взял на себя ритуальные функции некоторых напитков (преимущественно спиртных, например вина, пива), а также отдельные символические функции хлеба и хлеба-соли, образовав функционально близкую пару «чай — сахар». Нередко чай противопоставлялся хлебу как пустой и несытный продукт, символ роскоши и излишества.

Сокращения в названиях диалектов

арх. — архангельское
 волог. — вологодское
 костром. — костромское
 онеж. — онежское

Сокращения в названиях районов

Баб — Бабаевский район Вологодской обл.
 Бабуш — Бабушкинский район Вологодской обл.
 Бел — Белозерский район Вологодской обл.
 В-Важ — Верховажский район Вологодской обл.
 Вин — Виноградовский район Архангельской обл.
 Вож — Вожегодский район Вологодской обл.
 Вологод — Вологодский район Вологодской обл.
 Вохом — Вохомский район Костромской обл.
 В-Т — Верхнетоемский район Архангельской обл.
 В-Уст — Великоустюгский район Вологодской обл.
 Гряз — Грязовецкий район Вологодской обл.
 Кад — Кадуйский район Вологодской обл.
 Карг — Каргопольский район Архангельской обл.
 К-Г — Кичменгско-Городецкий район Вологодской обл.
 Кир — Кирилловский район Вологодской обл.
 Котл — Котласский район Архангельской обл.
 Лен — Ленский район Архангельской обл.
 Межд — Междуреченский район Вологодской обл.
 Мез — Мезенский район Архангельской обл.
 Ник — Никольский район Вологодской обл.

Окт — Октябрьский район Костромской обл.
 Он — Онежский район Архангельской обл.
 Пав — Павинский район Костромской обл.
 Пин — Пинежский район Архангельской обл.
 Прим — Приморский район Архангельской обл.
 Сок — Сокольский район Вологодской обл.
 Сямж — Сямженский район Вологодской обл.
 Тот — Тотемский район Вологодской обл.
 У-Куб — Усть-Кубинский район Вологодской обл.
 Уст — Устьянский район Архангельской обл.
 Устюж — Устюженский район Вологодской обл.
 Хар — Харовский район Вологодской обл.
 Холм — Холмогорский район Архангельской обл.
 Шар — Шарьинский район Костромской обл.
 Шексн — Шекснинский район Вологодской обл.
 Шенк — Шенкурский район Архангельской обл.

Литература

- Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980–2018–. Вып. 1–.
- Багриновский Г. Ю.* Большой этимологический словарь русского языка. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2020.
- Березович Е. Л., Осипова К. В.* «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.
- Бернишам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: этнографические очерки. Л.: Наука: Ленинград. отд-ние, 1983.
- Дурасов Г. П.* Народная пища Каргополья (по материалам XIX–XX вв.) // Советская этнография. 1986. № 6. С. 78–93.
- Зорина Л. Ю.* Зимогоры и зимогорки в традиционной и современной культуре Вологодского края // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2010. Ч. 5. С. 50–56.
- Королева Е. Е.* К этимологии гнезда ЗИМОГОР в старообрядческих говорах Прибалтики // Этимологические исследования: сб. науч. тр. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 8. С. 8–18.
- Похлебкин В. В.* Чай. Его типы, свойства, употребление. М.: Эксмо-Пресс, 2019.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды.

- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд.
- Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 1983–2007. Вып. 1–12.
- Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Соколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–50–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2017. Вып. 1–50; издание продолжается.
- Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. М.: Спутник+, 2012.
- Соколов И. А. Чай и чайная торговля в Российской Империи в XIX — начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2013.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: б. и., 2002.

References

- Bagrinovskii, G. Iu., 2020. *Bol'shoi etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Large Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Baranov, D. A., Kononov, A. V., eds, 2007. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 5: *Vologodskaia guberniia* [Vologda Province]. Part 1: *Vel'skii i Vologodskii uezdy* [Velsk and Vologda Districts].
- Baranov, D. A., Kononov, A. V., eds, 2007. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals: Materials of the «Ethnographic Bureau» of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 5: *Vologodskaia guberniia* [Vologda Province]. Part 2: *Griazovetskii i Kadnikovskii uezdy* [Gryazovetsky and Kadnikovsky Districts].
- Baranov, D. A., Kononov, A. V., eds, 2007. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants.

- Life. Daily Routine. Morals: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 5.: *Vologodskaia guberniia* [Vologda Province]. Part 3: *Nikol'skii i Sol'vychegodskii uezdy* [Nikolsky and Solvychegodsky Districts].
- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2009. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: Materialy “Etnograficheskogo biuro” kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 7: *Novgorodskaia guberniia* [Novgorod Province]. Part 2: *Cherepovetskii uezd* [Cherepovets District].
- Berezovich, E. L., Osipova, K. V., 2014. “Chto edim, tak i zhist' zhivem”: pustoï sup i nekrepkii chai v zerkale iazyka [“We Live as We Eat”: Thin Soup and Weak Tea in Linguistic Aspect]. *Antropologicheskii forum*, 20, pp. 218–239.
- Bernshtam, T. A., 1983. *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX — nachale XX v.: etnograficheskie ocherki* [Russian Folk Culture of Pomorie in the Nineteenth — Early Twentieth Century: Ethnographic Essays]. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otdelenie.
- Chernykh, P. Ia., 2002. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: s. n. Vol. 1–2.
- Durasov, G. P., 1986. Narodnaia pishcha Kargopol'ia (po materialam XIX–XX vv.) [Folk Food of Kargopol Region (Based on Materials of the 19–20 Centuries.]. *Sovetskaia etnografiia*, 6, pp. 78–93.
- Filin, F. P. (1965–1987), Sorokoletov, F. P. (1987–2010), Myznikov, S. A. (2010–2017), eds, 1965–2017. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka. Vol. 1–50; edition continues.
- Getsova, O. G., ed., 1980–2018–. *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Izd-vo MGU.
- Koroleva, E. E., 2003. K etimologii gnezda ZIMOGOR v staroobriadcheskikh govorakh Pribaltiki [On the Etymology of the ZIMOGOR Nest in the Old Believer dialects of the Baltic]. In: E. L. Berezovich, ed., 2003. *Etimologicheskie issledovaniia: sb. nauch. tr.* [Etymological Studies: Collection of Scientific Works]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Issue 8, pp. 8–18.
- Matveev, A. K., ed., 2001–. *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Vol. 1–.
- Panikarovskaia, T. G., ed., 1983–2007. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vologda: VGPU, Izd-vo “Rus’”. Vol. 1–12.
- Pokhlebin, V. V., 2019. *Chai. Ego tipy, svoistva, upotreblenie* [Tea. Its types, properties, use]. Moscow: Eksmo-Press.
- Sokolov, I. A., 2012. *Chai i chainaia trgovlia v Rossii: 1790–1919 gg.* [Tea and Tea Trade in Russia: 1790–1919]. Moscow: Sputnik+.
- Sokolov, I. A., 2010. *Chai i chainaia trgovlia v Rossiiskoi Imperii v XIX — nachale XX vekov* [Tea and Tea Trade in the Russian Empire in the Nineteenth — Early Twentieth Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow City Pedagogical University.

-
- Tikhomirova, A. V., 2013. *Assotsiativno-derivatsionnaia i frazeologicheskaia semantika naimenovanii odezhdy v russkoi iazykovoii traditsii* [Associative-Derivational and Phraseological Semantics of Clothing Names in the Russian Language Tradition]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
- Zorina, L. Iu., 2010. Zimogory i zimogorki v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture Vologodskogo kraia [Zimogory and Zimogorki in the Traditional and Modern Culture of the Vologda Territory]. In: G. V. Sudakov, ed., 2010. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: sbornik nauchnykh trudov* [Word and Text in the Cultural Perception of the Epoch: Collection of Scientific Works]. Vologda: Legiia. Vol. 5, pp. 50–56.